

К.А. Кедров

Мотивы поэзии Лермонтова Странничество

Странничество — устойчивый мотив творчества Лермонтова, органически свойствен русской литературе вообще. Онегинская «охота к перемене мест», скитания грибоедовского Чацкого во многом превосходят судьбу Печорина; космический скиталец Жуковского («Аббадона») предшествовал лермонтовскому Демону.

Странничество обусловлено бесприютностью героя в мире устоявшихся, но уже дискредитировавших себя ценностей. «Тучки небесные, вечные странники» («Тучи»), дубовый листок, оторвавшийся «от ветки родимой» («Листок»), «мятежный» парус, ищущий бури («Парус»), — вот «зримые» воплощения странничества лирического героя Лермонтова. Очень часто в творчестве Лермонтова возникает образ дороги, неотделимой от героя-странника. Иногда это «кремнистый путь» посреди Вселенной, иногда узкая тропа через перевал. На перекрестке дорог можно увидеть и «чету белеющих берез», и одинокий монастырь на скале, и заброшенную могилу скитальца. Вечные перемещения во времени и пространстве лермонтовского героя как бы не властны изменить его постоянное пребывание на перекрестке двух дорог: реальной — из России на Кавказ (герой Лермонтова на своей родине тоскует о Кавказе, а с Кавказа в снах и в мечтаниях уносится в Россию), и космической — от земли к небу («Небо и звезды», «Мой дом»). «Мой дом везде, где есть небесный свод» — эти слова удивительно точно передают мироощущение героя, чувствующего себя постоянным странником во Вселенной.

Небесное странничество Демона среди стройных хоров светил и бесприютное скитание на земле Печорина, не находящего конечной цели пути, — два варианта, две основные, взаимоотражающие друг друга бытийные формы, в которых находит воплощение мотив странничества у Лермонтова.

Странничество в лермонтовском мире всегда несет в себе оттенок скитальчества. Но если странничество — добровольный выбор, то скитальчество — злая судьба. Оба мотива тесно переплетаются: судьба «скитальцев» Печорина или Демона — это результат избранного ими пути. Временами странничество у героев Лермонтова приобретает оттенок паломничества к какой-то неопределенной святыне, которая сулит духовное успокоение, обещает конец пути. Но для лермонтовского странника нет и не может быть успокоения, как бы ни тяготился он своей бездомностью. Достоевский в речи на открытии памятника Пушкину определил главную черту «цивилизованного скитальца в родной земле»: невозможность смирения, вечная «бесприютность» — и осудил гордого скитальца. Но для лермонтовского героя свобода — тот бесценный дар, который он не променяет ни на жизнь, ни на смерть, ни на бессмертие. Единственное реальное воплощение этой свободы он находит для себя в странничестве, причем в дороге он всегда одинок (добрый провожатый Максим Максимыч — счастливое и редкое исключение), его подстерегают опасности, часто смертельные. Гибелью грозит путнику даже любовь («Тамара»). «Подожди немного, отдохнешь и ты» — у Лермонтова. это скорее скорбное напоминание о смерти, нежели обещание истинного покоя, как в оригинале у Гёте (стихотворение «Из Гёте»).

Мотив странничества уже в творчестве Пушкина связан с темой пророчества и изгнания. «Странник» Пушкина покидает город и привычный уклад жизни, «дабы скорей узреть — оставя те места, / Спасенья верный путь и тесные врата» (1835). Путь пушкинского странника в пустыню из города как бы продолжает пророк Лермонтова, изгнанный и непонятый всеми («Пророк»). Но для лермонтовского героя-странника, в отличие от пушкинского пророка и отчасти пророка самого Лермонтова, характерно постоянное сомнение в истинности найденных ценностей. «Голос чудный» говорит ему не столько

об истине, сколько о необходимости ее вечных поисков: «...Глупец! где посох твой дорожный? / Возьми его, пускайся в даль; / Пойдешь ли ты через пустыню / Иль город пышный и большой, / Не обожай ничью святыню, / Нигде приют себе не строй» («Когда надежде недоступный...»).

Странник Лермонтова не знает надежды на возвращение. Его путь бесконечен, и смерть — лишь продолжение земного пути. Его духовный мир — мир прощания и воспоминания. С этими переживаниями связана для него любовь. От любимой его отделяет бездна пространства, расширяющегося до Вселенной, и бездна времени, вмещающая вечность. Странник оставляет свою возлюбленную навсегда, как навсегда оставил он родную землю. Загадочный, никем не понятый, он несет в себе «пучину гордого познания», бесконечную жажду новизны, готовность к страданию и ощущение вечной тайны бытия. Но, разгадав ее, странник перестает быть самим собой и потеряет свободу — смысл и оправдание собственной жизни. Вместе с тем странничество в творчестве Лермонтова — это и постоянное предчувствие возможности другой жизни.

В послеромантической литературе мотив странничества находит своеобразное развитие, приобретая разные (в том числе сюжетные) модификации в творчестве Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), Л. Толстого (Оленин, отец Сергей, Нехлюдов), Достоевского (Раскольников, Версилов) и др.